

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930.2+94(470)“16/18”+94(438).04
DOI: 10.17223/19988613/70/17

А.В. Богатырёв

НЕИЗВЕСТНЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД ТЕКСТА, СОЗДАННОГО В СВЯЗИ С ВОШЕСТВИЕМ В 1674 г. НА ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИЙ ПРЕСТОЛ ЯНА III СОБЕСКОГО

Исследуется и впервые полностью публикуется найденный автором архивный источник – перевод сочинения, написанного по случаю прихода к власти короля Речи Посполитой Яна III Собеского, польский оригинал которого обнаружить пока не удалось. Текст содержит восхваление разнообразных достоинств монарха, поставленного на один уровень с Готфридом Бульонским. Произведение создавалось в обстановке сопротивления со стороны отдельных политиков передаче короны Яну III, а также в связи с желанием части влиятельных людей составить предъявляемые к новому правителю требования, что нашло отклик в изучаемом документе.

Ключевые слова: Речь Посполитая; польско-русские отношения XVII в.; Василий Тяпкин; Ян Собеский; Анджей Тшебицкий.

Особенности государственного устройства Речи Посполитой XVII столетия требовали от государя определенных действий, направленных на утверждение власти, упрочение позиций, тиражирование собственного образа как великого мужа страны. Пропагандистская активность стала одним из центральных моментов в политике великого коронного гетмана Яна Собеского (Jan Sobieski, 1629–1696), под именем Яна III правившего с 1674 г. Как известно, монархи в Польско-Литовском государстве избирались, что усложняло создание собственной правящей династии. Собеский стремился установить свой род на престоле в том числе агитационными методами. Идет в ход политическая поэзия, создаются хвалебные оды королю Вацлава Потоцкого, Веспасиана Коховского, Яна Анджея Морштына [1. S. 5] и др. Благообразный образ его величества доносится до оппонента и через зрительные ассоциации, через произведения искусства, например изображение апофеоза короля, въезжавшего на коронацию в Краков в 1676 г., созданное мастером де Хооге [2. S. 18].

В число агитационных материалов можно записать и обнаруженный нами в Российском государственном архиве древних актов документ [3. Л. 28–34 об.]. Он попал в число текстов, высланных в Москву первым русским резидентом в Речи Посполитой В.М. Тяпкиным (служил с 1673 по 1677 г.). Надо заметить, что это довольно важная находка, в последнее время в российской исторической периодике подобных памятников времен Яна III практически не публиковалось, за исключением некоторых переводных антикоролевских памфлетов [4]. Сочинение, являющееся переводом некоего польского произведения, написано на длинных листах и замечательно впечатляющим объемом. Его заголовок выглядит так: «Перевод списка записи, какову дали новообранному Яну, королю Полскому,

Андрей Требицкой, бискуп краковской, Ян Генбицкой, бискуп плоцкой, с товарищи при присяге королевской в нынешнем 1674 году». Труд завершает элекцию (один из этапов выборов монарха), которая закончилась 21 мая указанного года избранием Собеского, и должен был сопровождать его «клятву» на верность Речи Посполитой, произнесенную в Костеле св. Иоанна Крестителя в Варшаве.

Как видно из названия, среди подписавших «Запись» были два крупных деятеля Речи Посполитой – краковский епископ Анджей Тшебицкий и плоцкий епископ Ян Гембицкий. Тшебицкий (Andrzej Trzebicki, 1607–1679), коронный подканцлер, епископ пшемысльский и краковский, являлся одним из образованнейших людей своего времени, собрал впечатляющую библиотеку (которая, к сожалению, не сохранилась). После кончины короля Михаила Вишневецкого он весьма активно участвовал в новых выборах, выполняя впоследствии роль «интеррекса» (interrex – регент на время «междоцарствия»). Будучи прежде противником французской политики в Польше (сторонником которой выступал Собеский), Тшебицкий не сразу, но оказался в стане, поддерживавшем кандидатуру коронного гетмана, вынес решающую резолюцию с утверждением нового монарха. Краковский епископ рассчитывал на определенные милости, однако Ян III отдал предпочтение Анджею Ольшовскому [5. S. 74, 75, 274], который становится Примасом Польским. Все это вызвало ненависть Тшебицкого, окончательно перешедшего в оппозиционный королю политический лагерь [6. S. 113].

В конечном итоге немало способствовал избранию Собеского и Ян Гембицкий (Jan Gembicki, 1602–1675), также занимавший не последнее место в делах страны: получил должности коронного секретаря, королевского секретаря, канцлера Марии Людовики Гонзаги, супруги короля Яна II Казимира [7. S. 177].

Разумеется, то, что под документом стоят подписи Тшебицкого и Гембицкого, не означает, что именно они являлись непосредственными авторами этого сочинения. Но нужно помнить, что Тшебицкий был известен своими духовно-литературными опытами, плодами «преукрашенного» красноречия [5. S. 10–12]; кроме того, подсказка об авторстве, намекающая на епископа краковского, кажется, скрывается в одной из строк памятника [3. Л. 34 об.–35]. В связи с вышеперечисленным необходимо еще раз сделать акцент на ценности найденного материала. Прежде всего, русский перевод под таким заглавием до сих пор не встречался в специальной литературе (см., напр.: [8]). Надо сказать, нет подобной «Записи» и в бумагах, относящихся к избранию Яна III, помещенных в юридический сборник «Волумина Легум» [9. S. 110–163]. Не прослеживается документ и в собрании текстов о временах Яна III у Ф. Ключицкого [10. S. 1442, 1444, 1445 etc.]. Отсутствует он и среди списка произведений Тшебицкого, а также между использованных специалистом по эпохе З. Вуйчиком [11. S. 548–552] и исследователем агитации при дворе Яна III А. Чарнецкой [12] исторических источников. Недавно вышла публикация Л.И. Ивониной [13] на тему прокоролевской пропаганды, но ничего нового в ней мы не нашли. Таким образом, можно допустить, что открыто ранее неизвестное сочинение панегирического толка, посвященное Яну III Собескому.

Изучаемый труд, как мы уже отметили, представляет собой перевод какого-то польского произведения, подлинник которого, возможно, стоит искать в архивах Республики Польша. Так как в настоящий момент первоисточник у нас отсутствует, нам сложно судить о качестве перевода. Общий вид написанного создает впечатление поспешности, смысл некоторых пассажей затуманен сложным нагромождением витиеватых конструкций. Об авторстве «переклада» также мало что можно сказать – работать над ним могли в самой резиденции, но могли получить готовый текст и от кого-то еще. У самого Тяпкина в его корреспонденции находим следующее указание: «Присылаю перевод з записи на обрание государства <...> за руками (подписями). – А.Б.) и за вислыми печатми многими» [3. Л. 27]. Кое-что об авторе перевода говорит любопытная описка – вместо «Батога» (места, где был взят в плен брат Собеского Марк), указан «Батар» [Там же. Л. 34], река в Закарпатской области нынешней Украины. Нелишне здесь вспомнить, что в это время вместе с Тяпкиным в Польшу находился переводчик Семен Лаврецкий [14. Л. 15об.], уже известный своими трудами в области перевода (кстати, в статье С.И. Николаева 1674 год как бы «выпал» из лет активности Лаврецкого – т.е. упущено то время, когда он был с Тяпкиным в Польше) [15]. В целом можно заключить, что анализируемый документ обладает «стандартными» качествами обычного панегирика, с использованием уже апробированных приемов данного жанра литературы.

Похвала начинается с обращения к Высшим силам, затем идет пассаж о смерти предыдущего монарха, оставившего Речь Посполитую в сиротстве. После длинных риторических оборотов авторы переходят,

наконец, к результатам элекции. Здесь всячески подчеркивается, что избрание проходило в строгом согласии с законами Польско-Литовского государства, с соблюдением необходимых процедур, в соответствии с вольными голосами представителей «народа» – шляхты Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Столь подробные разъяснения неслучайны: во время элекции блуждало немало всяческих слухов, выбор Собеского на трон на самом деле одобрили далеко не все. В инвективе антикоролевской направленности «Глас (Глос, Голос) Отчизны», распространявшейся среди шляхетных, короля обвиняли в том, что он не прислушивался к «голосу народа», не советовался с большинством, делал многое втайне [16]. Особенно в подобной критике упорствовала «литовская партия», во главе которой стояли магнаты Пацы. Один из них, великий литовский гетман Михаил Казимир, был старым врагом Яна III (с которым он, впрочем, позднее как будто пошел на мировую). Из-за этого в «Записи» особо оговаривается, что и сама шляхта обязуется также повиноваться, служить своему новому государю.

В «Записи» провозглашается: на трон избран король-сородич («Пяст»), поляк по своему происхождению, что выставляется его преимуществом перед иностранцами, традиционно пробовавшими себя на польско-литовский престол [3. Л. 29–29 об.]. То же отмечается и в превозносившем избрание Яна III сочинении «Commoda» («Выгоды» прихода к власти Собеского) [11. S. 221–222]. Не единожды в связи с этим появляются в рукописи слова «Отечество» и «Отчизна» [3. Л. 28 об., 29, 32, 33 об., 34], защитником которой выступает король-герой. Между тем гетман Пац и его единомышленники продвигали идею исключения «Пяста» из выборной гонки. Тяпкин уверен: «В выборе короля на королевство Полское догово[ре]но, чтоб из народу своего Польша никого королем необирала, и то хотели б было подкрепить правом и писмом, толко то для самого впредь будущего безчестия отставили, однако же друг другу словесно приобещали, что Пяста на королевство именовать небудут» [17. Л. 143]. Ходила молва – сторонники нового монарха использовали для сбора голосов подкуп, многие противившиеся были попросту запуганы. «А сказывают нам, когда обранье и присяга была бывшаго короля Михаила, и тогда с великою радостию всенародное множество единогласно кричали <...> виват, а ныне гораздо мало вопиющих видал и что ис того вырастет, бог весть» [3. Л. 19 об.], – читаем в документах резидента. В такой обстановке необходимо было издать официальное оповещение, которое должно было как-то повлиять на мнение все еще колеблющейся части шляхты.

Для этого подробно расписывали достоинства новоизбранного короля, напирая на его высокие моральные качества. В похвале он является в зените славы, выставлен мудрым, смелым, милосердным [Там же. Л. 29 об. и пр.]. Все эти «витийства» были помещены сюда с оглядкой на предпочтения шляхетства. Например, по полученным Тяпкиным данным, «рыцарское сословие» испытывало особые симпатии к бравому венгерскому князю, который выделялся среди прочих своим мужеством [17. Л. 84–84 об.]. Видим в «Записи»

и пункт об уважении монарха-сородича к шляхетскому сословию, но в то же время указано на его положение первого среди равных, исключительные способности, возносившие его над всеми [3. Л. 29 об.]. Сторонники Собеского в «Commoda» также убеждали сомневающихся, что поляки могут смело обращаться к государю-земляку за помощью в решении своих проблем [11. S. 222]. Показано, что его величество прошел все необходимые этапы службы, раскрывается его карьерный рост: от гетмана к королю [3. Л. 33]. Это должно было напомнить о заслугах Собеского, о том, что будущий монарх добился всего сам, собственными способностями и трудами.

Создатели «Записи» разыграли, скажем так, главный козырь – военные таланты Яна III, деяния которого сравниваются ни больше ни меньше с чудом. Кстати, в переводе упоминается «Брянская» земля [Там же. Л. 31 об.], отвоеванная у неприятеля новоиспеченным польским государем: подразумевался, конечно, не Бреславль (Вроцлав), а Брацлав, операция у которого 26 августа 1671 г. против казаков и татар вошла в копилку достижений теперь уже королевского величества. Особо отмечается его участие в кампании 1672 г., в самом начале длившейся до 1676 г. польско-турецкой войны. Авторы похвалы напомнили возможным читателям своего произведения о зверствах «неверных», о приносимых ими разрушениях, об ужасах военного времени. Дабы резче обозначить величие «милитарных» свершений монарха, припоминают здесь бесславные для поляков осады турецкими силами Каменца-Подольского (август 1672 г., привела к поражению польской стороны и подписанию невыгодного Речи Посполитой Бучачского мира, фактически ставшего прологом к новой польско-турецкой войне) и Львова (сентябрь – октябрь 1672 г.). Расписывая перенесенные отрядами гетмана тяготы, перечисляются блестящие успехи Собеского при Нароле (6 октября), Немирове (7–8 октября), Комарно (9 октября), Калуше (14 октября) [Там же].

Не без определенных переключений воспевалась Хотинская виктория 1673 г. тогда еще великого коронного гетмана Яна Собеского – один из важных моментов конфликта 1672–1676 гг., когда польским отрядам удалось захватить стратегическую крепость Хотин. Здесь, в «Записи», особо выделяется роль будущего короля в сражении, хотя по этому поводу мнения разнились: по полученной Тяпкиным информации, не все видели большие заслуги его величества в том одолении, предпочитая говорить о «гетманах» [18. С. 19] в общем. В пасквиле «Incommoda» («Невыгоды» избрания Яна III) также писалось, что для победы у Хотина гораздо больше сделали иные, нежели великий коронный гетман [11. S. 223]. Впрочем, здесь слова создателей «Записи» могли звучать и вполне искренне, ведь, например, сам Тшебицкий в 1671 г., видя угрозу государству, выделил личные средства на снаряжение военных отрядов, участвовавших в сражениях у Каменца-Подольского в 1672 г. [5. S. 138–140].

В любом случае, у славящих короля он – впереди всех, первым взшел на городские укрепления отбитого у турок Хотина. Собеский находится в самой гуще

событий, берет все в свои руки [3. Л. 31 об. – 32 об.]. Дело это непростое, ведь, как указывается в панегирике, крепостные сооружения были «сильны» [3. Л. 32 об.], не всякий полководец мог справиться с их одолением. Завистники же убеждены: победой поляки обязаны предавшим османов «мултанским» и «волошским» отрядам, перешедшим на польские позиции, а также рядовым польским воинам, чуть ли не врукопашную сходявшимся с неприятелем [18. С. 17–18].

Нельзя обойти стороной ряд приемов, использованных для прославления монарха создателями «Записи». Коснемся в первую очередь слога, изобилующего эпитетами в превосходной степени. Довольно часто появляется концепт «сияние», немало слов, в которых использована «световая» символика, создававшая вокруг монарха сияющий ореол [3. Л. 29 об., 34 и пр.]. Достаточно тут золота [Там же. Л. 30, 33], которое по вполне понятным причинам использовалось в тогдашней польской речи для позитивных характеристик («золотая воля», «золотой век»). Несколько раз возникает мотив сакрального числа «три» (три дня рассуждения о кандидате, три убитых противника и пр. [Там же. Л. 30, 30 об., 32 об., 33]), которое обыгрывается в связи с титулом его величества, взшедшего на «маестат» как Ян III. Его избрание выставляется величайшим событием времени, слава о котором пойдет по миру. Были сделаны и долгожданные обещания о счастливой жизни, которая ждет страну в правление избранника Судьбы [Там же. Л. 28 об., 29, 30].

В легитимации Собеского отдельную роль отдали сверхъестественному, божественному элементу – и это неудивительно: Речь Посполитая воспринималась шляхтой как «Цитадель Католицизма». Как указывают авторы «Записи», монарх пришел к власти по воле Всевышнего, он – от Бога, что затем связали со строчкой из Нового Завета об Иоанне Предтече (Крестителе): «Был человек от Бога, и было ему имя Иоанн» [11. S. 220]. Правда, недоброжелатели Яна III в «Гласе Отчизны» утверждали, что в его облике воплотился совсем другой «Иоанн», «Предтеча... пагубы» [16. С. 213–214]. С намеком на порядковый номер, под которым суждено было править королю, упоминается центральное понятие Христианства – Пресвятая Троица [3. Л. 28]. Метафора о пролитой на багряницу (мантию, символ королевской власти) крови [Там же. Л. 29] напоминает о Крестном Пути Христа, обагрившего Своей кровью царскую накидку, брошенную на него мучителями. Отмечают авторы панегирического творения дурные предзнаменования, которые, как считали многие [3. Л. 7–7 об.], сопровождали приход к власти Собеского [19. Л. 150–151]. Напротив, в тексте похвалы делается упор на благоприятные знаки, ведшие гетмана к короне. Смерть прежнего монарха, Михаила Вишневецкого, трактовалась как воля Провидения, освободившего Яну III путь к польско-литовскому престолу [3. Л. 32 об.].

Но не упускали из вида сочинители похвалы и вполне приземленные, материальные вопросы. Одним из условий избрания была финансовая состоятельность претендента [17. Л. 144 об.] – ему пришлось бы взвалить на плечи долги Речи Посполитой,

разобраться с оплатой войску; в целом занимать трон Польско-Литовского государства было поручением затратным. Так, один из кандидатов не понравился шляхте, так как был небогат. Авторы славословия сконцентрировались на этом моменте, перечислив латифундии его величества, бывшего достаточно крупным магнатом и землевладельцем. Берут на вооружение этот момент и создатели «Commoda», где также не выносили за скобки финансовые возможности монарха [11. S. 222].

В соответствии с тогдашней культурой особой гордостью любого вельможного поляка был его старинный прославленный род. Не забыли об этом и в «Записи», в которой немало строк уделили предкам Яна Собеского, членам его семьи. По мысли авторов панегирика, своим фамильным гербом с изображением щита король как бы заслоняет Речь Посполитую от врагов. Вспоминается талантливый полководец Станислав Жулковский (Żółkiewski, 1547 (1550)–1620), с которым Ян III породнился через свою мать, подробно описывается подвиг родного брата короля – Марека (Марка), в эпоху восстания Богдана Хмельницкого (1648–1657) попавшего в плен к татарам и казакам в битве под Батогом (1–2 июня 1652 г.) и предпочетшего смерть возможному позорному бегству [3. Л. 33 об.–34]. Между прочим, жестокая резня, устроенная над плененными в этом сражении, произвела страшное впечатление на поляков, запечатлелась в памяти [20]. Неспроста в «Записи» косвенно всплывает тема отмщения: победы Собеского над татарами были в том числе данью памяти погибшему брату. Помимо семейной истории, творцы похвалы коснулись и прошлого мирового масштаба, проведя параллели между хотинским победителем и рыцарями-крестоносцами. Антитурецкая война виделась полякам в образах нового Крестового похода против неприятелей Святого Креста и всего Христианства [3. Л. 32 об.].

Завершающая часть источника любопытна как одно из свидетельств довольно необычной ситуации, сложившейся с избранием монарха: его именовали королем до окончательного формулирования особой клятвы (*pacta conventa*) – программы обязательных действий, которые он выполнит после прихода к власти [Там же. Л. 35–35 об.]. Как раз краковский епископ Тшебицкий был одним из активнейших сторонников того, чтобы этот документ был составлен (в его основу решили положить аналогичное «обещание» Михаила Вишневецкого [11. S. 227]), так сказать, совместно с королем. При этом он ссылаясь на подобные случаи с предшественниками Яна III, Владиславом IV и Яном II Казимиром [10. S. 1445]. Дебаты о содержании договорных параграфов продолжались довольно долго, присягнуть на верность государству Собеский смог лишь 5 июня 1674 г. Из-за неточностей в датировании событий при чтении докладов русской резидентуры создается ложное впечатление, что закрытие элекции и принесение «клятвы» новоизбранным королем состоялись практически одновременно [21]. Содержание «Записи» со всей очевидностью говорит нам: участие епископа Кракова в укомплектовании *pacta conventa* было более всеобъемлющим, чем считалось прежде.

Работу в этом качестве его плоцкого коллеги исторические рукописи замалчивают [10. S. 1445–1449].

Вернемся теперь к одному из основных вопросов, связанных с нашей находкой: так зачем был сделан перевод этого сочинения? Отметим, что в России жанр торжественного «славословия» как раз переживал свое довольно бурное развитие [22. С. 199], поэтому образец подобного творения мог, безусловно, заинтересовать просвещенных высокопоставленных россиян. Конечно, имя Собеского не впервые слышали в Москве, однако там хотели бы побольше знать о бывшем гетмане теперь уже как о короле. Тяпкин отправлял в Посольский приказ много разнообразной информации о выборах, зачастую весьма противоречивой – любой дополнительный источник, тем более «официальный», о положении нового короля и его восприятии электоратом был важен. Кроме того, в похвале всплывают отдельные биографические нюансы, систематизируются данные о сильных сторонах монарха, что тоже могли посчитать полезным. Ну и, наконец, упоминание победы над Москвой в одной из строк панегирика должно было приковать внимание российских дипломатов, зорко следивших за покушениями на «имидж» московского государя и государства.

Примечательно в переводе сочинения было передано полное именование нового правителя, титул которого в польско-латинском тексте «голосования» (*suffragia*) обозначен как «Krola Polskiego, Wielkiego Xiążęcia Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Mazowieckiego, Zmudzkiego, Inflantskiego, Smoleńskiego, Kiiowskiego, Wołyńskiego, Podolskiego, Podlaskiego, y Czerniechowskiego» [9. S. 148] («короля польского, великого князя литовского, русского, прусского, мазовецкого, жмудьского, инфлянтского, смоленского, киевского, волынского, подольского, подляшского и черниговского»). Между тем в «Записи» порядок немного иной: вместо «инфлянтский» стоит «киевский» (после «смоленского» переводчик указал «северского»), что подтверждает претензии его величества на Киев, на который претендовали россияне. Также по традиции протесты Москвы мог вызвать титул (пускай и не связанный по большей части с реальным положением дел) князя смоленского. Именование короля также говорит, что он намеревается держать при себе украинские Волынь (ставшую местом схватки поляков и казаков в период мятежа Хмельницкого), а также Подолье [3. Л. 34 об.], которое с 1672 г. находилось под турецким управлением как эялет. Надо согласиться: все упомянутое в титулатуре Яна III повторяет титул из элекционных документов почившего короля Михаила [9. S. 22], за исключением, пожалуй, Подольской земли. Но, учитывая, что ситуация с тех пор изменилась, а также беря во внимание некоторые «добавления», нужно сказать, что все это в комплексе могло рассматриваться в Москве как вполне интересный источник информации о дальнейших планах вступающего в права монарха.

Конечно, можно обсудить и другие темы, которые поднимает «Запись», мы же ограничимся перечисленным. Но текст «Записи» ценен не только как пример неизвестной хвалебной «оды» Яну Собескому. Здесь мы наблюдаем наиболее пока ранний из обнаружен-

ных примеров использования образа славного героя Крестовых походов Готфрида Бульонского для прославления Яна III (до этого речь вели о 1680-х гг. [23. Р. 222], а самым ранним считалось высказывание Кшиштофа Гжимултовского от 1676 г.) [24. С. 39]. Приносит источник пользу и для изучения истории русского языка: здесь мы регистрируем довольно слов, наличествующих под позднейшими датами или вообще отсутствующих в единственном на сегодняшний день крупном справочнике по данному вопросу – «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: «варваренин», «варов» [25. С. 17–18, 21–22] (под которыми, скорее всего, тогда понимали тех же варваров, «неверных»), «древле-христианство» [26. С. 351–352], «межгосударствование» [27. С. 66], «прусаками» [28. С. 19] и др. Интересен манускрипт и примененными в нем сравнениями, например, уподоблением османских сил ассирийским и фригийским народам [29].

Итак, благодаря русскому резиденту в Речи Посполитой интересное свидетельство эпохи оказалось сохранено, что, надеемся, сделает картину бытования в России того периода переводных произведений «малых форм» более цельной [30]. В некотором роде уникальность находки требует опубликовать текст полностью. Ниже мы помещаем сделанную из донесений Тяпкина выписку, содержащую перевод данной «Записи», в соответствии с общепринятыми правилами публикации исторических источников. Ввиду плохой читаемости отдельных фрагментов лакуны будут заменены обозначением <...>, пропущенные буквы помечены [...], добавлены необходимые пояснения. Общий вид текста сохраняется, включая специфические орфографию и пунктуацию.

Документ № 1. Перевод списка записи, какову дали новообранному Яну, королю Полскому, Андрей Требицкой, бискуп краковской, Ян Генбицкой, бискуп плоцкой, с товарищи при присяге королевской в нынешнем #аход (1674. – А.Б.) году

/Л. 28/ Во имя Пресвятые и Неразделные Троицы

Мы, Андрей Требицкой, бискуп краковской, князь северской, Ян Гембицкой, бискуп плоцкой и иные и иные

Известно чиним настоящим писмом нашим, кому ведати належит, всем и ко ему <...> особно

Овдовевшей паки Речи Посполитой чрез безвременную смерть пресветлейшаго бывшего Михайла короля Полского, которой едва /Л. 28 об./ единожды и то несовершенное государство присмотрев ноября в ҃ (3. – А.Б.) ден прешедшаго году во Лвове тленный сей безсмертный переменил есть венец <...> жестокому плачевного погребения и нового побоища чувстве обаче сердцем возближенным меж потошленми себе не забывая вступити <...> не престало есть <...> вселенная яко чрез самые беды процветает Лехия (Польша, от имени полугендарного князя Леха. – А.Б.) начати убо первее <...> бысть советы для соблюдения и <...> меж государствования бедствования и схищения Отечества от

всеблагого Бога, его же единым яко <...> царствам от языка в язык переменятия королем от нижних к вышним торжественно и празднественно есть то же велико зело отческими за нами и старейших преданми по скончанной всех королевственных чинов в Варшаве в месяце феврале конвокации (подготовка выборов. – А.Б.) по общему тех же всех чинов согласно дню избрания ҃ (20. – А.Б.) апреля по новому нынешняго #аход (1674. – А.Б.) году назначенну /Л. 29/ на славу преславного действа яко трубою возтрубленною и воздвиженному благодати знамению посторонних государей хотения и желания на поли волности полские с великим [...]остояней и повинностей к Рече Посполитой знамением свою лепоту и Речи Посполитой прибыли и дары носяще преизыдоша, но близ прешедшаго межгосударствования оставя по хотение и желание сторонных и разразнения Речь Посполитая разсуждая и о будущих на ней радея крепкая ли или сумнительная обещеваются разсужд[...]т древняя и ныне приобретенная сарматские (поляки-шляхтичи, полагаясь на «сарматский миф», вели от этих племен свое происхождение. – А.Б.) лепоты во владение иноземцов предатели славу воинскую и по всей вселенной едва слышенную над турками победу поливанную на войне кровь на багряницу празного некоего государя от нынешнего чину пременяти се есть дабы и то абие принял любовь Отечества не своего и не <...> приятственна едина Польша зело народу и славе своей была и дабы <...> иноземцом нежели своим сприяствовала <...> в королевстве сем благодатна была ваяти государя гордиться терпела. Обратила от т[...]уду /Л. 29 об./ мысль к жителем и на вложенное под знаком таинства безчестие яко невозмогут короли Полские токмо иноземцы поставлятися и еже первым обранием зачато ныне паки отставлено ест и между гражданами недолго искал, которого бы над гражданы превознесла небо неизвестно сие обрание и место немедленно <...> равенстве шляхетства нашего над равными воинская сила превосходила сего ради уста всех и желания охотно и от Бога <...> ныне обращенна на маршалка и гетмана великого коронного Яна Сабеского, удивительная мужеская сила маршалковская великая при дворе мочь сенаторское пространство з гетманством радителей именем преизобилующее сияние з кротостию несравненной разум, непобедимая крепость, благоволение к сожителем, любовь в реченных и содеянных постоянствах к сам[...] неприятелем вера и милосердие вящее о храбром войне реши[...]ся может /Л. 30/ яко златые пути на сердца всех и языки толико то зложили, яко то ж безо всякого подозрения без смущения совету. Но на три дни протянув разсуждение сенатори и народ Полской и Великого княжества Литовское согласными желанми и со жребствованиями короля своего изберут, поистинне в велепоту пресветлейшаго обранного волного обрания в веру и в бесконечную избирателя народа хвалу не во един ден ни в по[...]зде вечера или во мраке ночи ни же единым насилием скончася великое веков дело. Небо возможно <...> велможу века в малое время паки зерни матанием в короля произыти ниже во едину ночь родитися храброму воеводе вождению древность произнесе,

понеже избранию выяв подволенным мановением посреди дня истиннее превозсияти лет баше, яко и сам пресветлейший обранный имянованию даже от тре[...] дне отложитися кротко претерпев паче же вид[...] бысть желати да скорая склонность /Л. 30 об./ подзренная с расуждению нечто неувлечет и известнейшим сказанием вере вселенная вдасть[...]я безо всякого похотения и зависти соблазненные волности избран иже избираем бывает, егда предусмотренном Божию совету три дни целые от субботы до понедельника то расуждение пребысть в подобие еслибы наченшаяся в субботу Хотимския победа в третий день по взятии крепости Хотимской победу заску[...]ая королевского сего поклонения предвозвешение сотворила и благостным знамением трегубый избрания день Иоанна Третьяго королевскому имени сопричелся, устроила к короне приход[е] и укрепила сему пресветлейшему избранному сприяствованию преславная войны похвала, внегда первый из поляков показал, яко возможно напорство татарское всем мимошедшаго мира монархиям тяшкое, с волным бо ему удержати, яко возможно страшные турецкие полки единым приступом /Л. 31/ преломити и снести и до древняго воинства, которые привождением счастием и ных над Шведами, Москвою, Прусаками, Венграми, Козаками крепко и преславно содея умолчитися и аще отобранные от козаков слав[н]ы пребывают, однако ж те частые и счастливые войны впред в память человеком вящим победам пред игралище быша навадниша прежде <...> лет хищными полками страны Подольския многие тысени татар вся огнем и мечем разоришася, внегда невеликая сила и полки разтерзанные насилуя неприятельскому сопротивитися немогли, однако ж уступить неумелый новым ратованиям советом в тесном местечке со многими ратми заперся чем бы свирепие во внутренние королевства спящ[...] изринул сие посмеян и пресломлен варваренин, мирные статьи принял, яко аще бы на то токмо насилуя, дабы пресветлейшему /Л. 31 об./ избранной победы вещество и славы жатву принесла, а в последние четыре лета воеводства воинского год преславные над казаками и татарами вместе соединенными Собеские победы назnamenоваша, отняв от неприятеле казака города и страну великую Бряславскую и по истинне выше веры есть, что в два года отсюду пресветлейший Каменца и по осаде Лвова безстрашен едва в 3 000. – А.Б.) воинства Полского храбростию и крепостию чудом поистинне сотворил, внегда пять дней и пять ночей безпрестанно бежав безо всякой пищи зелем[...] лесным живот препровождая татар достигши Нароль, Немеров, Комарне, Калушу, неславные прежде сего местечка великим варов побоем прославил, трех крымских салтанов ханова роду убил и крепость скифскую толико стер, яко в последнее сие лето души прияти и силы собрати невозможен, /Л. 32/ но все победы прошлые осени преодолел благополучне, внегда славные прежде сего у Хотима крепости 40 000. – А.Б.) турков ограждены и укреплены, в которых прежде пятидесяти и трех лет всего государства Турского Азии и Африки и Европы собранные силы поляки здержали и отбили ныне единой по[...] <...> гетманской силе и разуму Собеского

в малые часы <...> понеже он сторожи обходит, становища уставливать, наряд войском сам досматривает, воев з голоду и слотою к упрямым до трех дней стоянием утомленных десницею, гласом, лицом поустит гон, еже зело удивительна <...> перед пехотными полки к валу прийти и приступити и благоговейную заб[...] и Отчизну главу в жребей счастья пустити победительна разуме. И абие великое побоище посреди обоза сотвори, отчаянных турков по острив силу, а сам крепкого и рассматрительного воевод вся должности исполнив, в которые /Л. 32 об./ время три паши убиты. Четвертой егда чрез Днестр ушел. Янычагн 17 (80. – А.Б.) и спагов избранных, кроме посполства, к обоз со всем народом и уготовлением ассирийским и фригийским, а с сим делом разграблен и взят славной Хотимской замок, мост чрез Днестр и на обоих странах сильные наподобие замков крепости побед быша чтож убо славная и храбрая сила достойнейшим диадимы дарством даве[...]чатыя превиде нам в пример все древлехристианство, которое в привращение Иеросалима воеводою Готфридом Булигондом возбуждено королевство тому же де волею представил, понеже первый на ограду градскую возшел, ничим же меньшим в славе пресветлейшии избранный наш первый на вал неприятельской двойной взыде. Украшает от многих прежде веков неслышенную победу самого времени час, в который пресветлейший король Михаил преставился в подобие /Л. 33/ яки являл яко великой благостыни уступает, дабы своим благосчастием победитель от шлема к венцу, от жезла к скифетру, от обозу к королевскому престолу тем славнее прешел, восприяла Речь Посполитая благоприятного себе и никаким без времени ем тлеемого память преславного отца ясневельможного мужа радением писания, которой златым советом в Речи Посполитой радах на воинах непобедимую мно[...] умножил и природным воистинно щитом своим защитил ея ниже без благословения Божия прилучившееся, яко на котором месте пятьдесят и три года от[...]де великий отец Речи Посполитой Полской посол покой и договоры с османом турецким салтаном постановил сын вящий самому небу криво присяштво неприятельское обличающе разорванного покоя погрешение мстящу мечу отместил ест /Л. 33 об./ прочие деды и прадеды и несчетная преславных сенаторе и урядников имяна, яко свещу пресветлейшему избранному преднесоша, ревнител нам <...> дому величеством и славою паче же Станислава Жолкевского, канцлера и гетмана великого коронного, которой предустроением столь сильным неприятельским побоищем победител, внук Отечества усугубила дедовскую славу преукрашенного деда Станислава Даниловича, воеводича руского, безсмертная силы и слученая за Отчизну 1636. – А.Б.) году смерть которого <...> которого теплота и воинские победы желательного и покоя в котором безопасна Польша пребывала, тогда нетерпящего в крымские поля происнесла, дабы древним оным храбрости Полской наставляючи полем сто[...] своими Сабеского достояние путь услали и дабы шляхетнейшую и ратию самого канта мира хана крымского /Л. 34/ рукою во мщение сына убиенного смерти предан, багрянице нынешней блистания при-

дал ниже и <...> и памяти народа Полского ясневелможный Марко Сабеский, пресветлейшаго избранного нашего родный старший брат, который избиеу бывшу от варвар у Бата[г]а воинству Полскому аще и беслучай убежания, однакож лутче изволил умрет над крепкими мужами и яко жертва за Отчизну принестися, нежели без честным бегством живот купит или чаят благо изволяючи судбам Божиим или же вешем и людем погибати винам и случаям тем де обращаться чин есть, дабы старейший великия славы брат страшною смертию умерши меншому оставшемся до престола королевского удобнейший путь оставил убогие православно Речи Посполитой нашей и вся Христианству блаженно, благополучно и благосчастно буди <...> дарствы достоянии и сиянии украшеннейшаго Иоанна на Жолкви /Л. 34 об./ и Злочеве Сабеского, маршалка великого коронного, Меренского, Барского, Стрийского, Яворовского, Калуского стар[...] волными и согласными обеты гласами жребми никем же противящ всеми согласными и соизволяющими по праву волного обрания званных не ставшихся небытию невредящу никоим же смотрением особо ведоми, но об[а]че хвалу Божию древняго благочестия католицкаго приращения Речи Посполитой здравия народа имени Полского честь пред очима имея королем Полским, великим князем литовским, Руским, Пруским, Мазовецким, Жмодским, Киевским, Волынским, Подляжским, Подолским, Смоленским, Северским, Черниговским избрати поста[...] и именовати восхотехом, якоже избрахом сотворихом, нарекохом и именовахом мною выше реченным епископом краковским прасдну сушу, тогда архиепископскому престолу и честь первенствовательную правящу и по сославию всех чинов трегубым вопросом никаким же возбраненной /Л. 35/ от всех и от коего ж де подтвержденное избрание совершающую, доброю верою обещая, что тому же пресветлейшему

и велможнейшему государю Яну Третиему, королю нашему, ту же веру, поданство и службы должны по правом и волностям нашим всегда творити будем и того же пресветлейшаго на сейме близ будущем в Кракове для того уставленным яко истинного короля и государя нашего королевскою диадимою, которою короли Полские короноватися обыкли, наснаменаем и по обычаю, которой католико римский костел в помазании короля прежде сего соблюдали помажем. Таковым обаче обычаем буди перво все права, волности костелные и мирские, чрез блаженных предков нам поволенные и дарованные, и которые мы сами во время прошлых и нынешняго меж государствования по правом волности нашей и для лутчего соблюдения чина Речи Посполитой постановили есмы додержать и соблюдать /Л. 35 об./ и буде пресветлейший избранный на статьи, которые мы с послами его величества постановил прежде отдания нынешняго приговору обрания, что доволство учинил присягою подтвердит и грамотою своею подлинною всяким лутшим обычаем опасет, которой приговор избрания нашего помощью Божиею совершити хотя по общему согласию нашему предати его в руки пресветлейшаго короля избранного посылаем с ясневелможным <...> бискупом краковским некоторых сенаторей и урядников подскарбия Великого княжества Литовского, маршалка рыцерского, вручая им тот самый приговор, внушити присягу на вышеписанные от него и подпись руки принял, потом в руки того ж де избранного сие постановление дать и вручит и прочая еже сие самое дело употребляет творити и докончати, для которой веры господ сенаторей и из рыцерского кола к печатанию назначенных печати приложены суть дан на съезде обрания нового короля общим чиновным Короны и Великого княжества Литовского у Варшавы мая в #аход (1674. – А.Б.) году
РГАДА. Ф. 79. Д. 163. Л. 28–35 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. Potocki W. Muza Polska na tryjumfalny wjazd najsławniejszego Jana III. Warszawa : IBL, 1996. 129 s.
2. Widacka H. Jan III Sobieski w grafice XVII i XVIII w. Warszawa : PWN, 1987. 176 s.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Д. 163.
4. Алпатов С.В., Янссон О. «Голось ловчего сильно прибираеть различных охочихъ псовъ»: неизвестный русский перевод польского политического памфлета 1688 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2. С. 103–110.
5. Hoszowski K. Żywot Andrzeja Zawiszy Trzebieckiego. Kraków : Czcionkami C.K. Wszechnicy Jagiellońskiéj, 1861. 403 s.
6. Przyboś A., Rożek M. Biskup krakowski Andrzej Trzebiecki. Warszawa : PWN, 1989. 226 s.
7. Dąbrowski J. Senat Koronny. Kraków : Historia Jagellonika, 2000. 285 s.
8. Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. : библиографические материалы. СПб. : Нестор-История, 2008. 248 с.
9. Volumina Legum. Petersburg : Nakł. i druk. Jozafata Ohryżki, 1860. T. 5. 463 s.
10. Kluczycki F. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Kraków : Czas, 1881. T. 1, cz. 2. S. 751–1666.
11. Wójcik Z. Jan Sobieski, 1629–1696. Warszawa : PIW, 1994. 626 s.
12. Czarniecka A. Informacja i propaganda podczas kampanii elekcyjnej 1673–1674 r. // Z historii kultury staropolskiej. Warszawa : UW, 2020. S. 135–153.
13. Ивонина Л.И. Панегирики Яну Собескому и их особенности // Лістападаўскія сустрэчы–XIII : матэрыялы міжнар. навук. выкладчыц.-студэнц. канф. Мінск : БГУ, 2019. С. 133–136.
14. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 164.
15. Николаев С.И. Лаврецкий Семен Федорович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб. : Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 213–214.
16. Богатырев А.В. Два «Михаила архангела» против «Иоанна предтечи»: неординарный русский перевод XVII в. // Таинство слова и образа. М. : МДА ; Орфограф, 2017. С. 213–221.
17. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 160.
18. Богатырев А.В. Хотинская битва 1673 г. в донесениях В.М. Тяпкина // Турция и славянский мир. Краснодар : Традиция, 2016. С. 16–22.
19. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 161.
20. Widacka H. Rzez polskich jeńców pod Batohem // Silva Rerum. URL: https://www.wilanow-palac.pl/rzez_polskich_jencow_pod_batohem.html (accessed: 24.01.2021).
21. Богатырев А.В. Русский текст «pacta conventa» Яна III Собеского и его польский первоисточник // Герменевтика древнерусской литературы. М. : ИМЛИ РАН, 2020. 19. С. 66–103.
22. Елеонская А.С., Робинсон А.Н. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII в. М. : Наука, 1990. 222 с.

23. Milewska-Ważbińska B. The Attitude Towards the Turks in Polish-Lithuanian Commonwealth Under the Reign of Jan III Sobieski // *Nordic Journal of Renaissance Studies*. 2019. Vol. 16. P. 215–229.
24. Богатырев А.В. Король возвышающийся и кающийся (две ипостаси Яна III Собеского в донесениях русского дипломата) // *Культурный код*. 2020. № 4. С. 35–50.
25. Словарь русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ). М. : Наука, 1975. Вып. 2. 319 с.
26. СлРЯ. М. : Наука, 1977. Вып. 4. 403 с.
27. СлРЯ. М. : Наука, 1982. Вып. 9. 357 с.
28. СлРЯ. М. : Наука, 1995. Вып. 21. 278 с.
29. Богатырев А.В. Троянская война ассирийцев: редкое обозначение турецко-татарских войск в похвале Яну III Собескому // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. 2019. № 11. С. 554–561.
30. Шамин С.М. Иностранцы «памфлеты» и «курьезы» в России XVI–начала XVIII столетия. М. : Весь мир, 2020. 392 с.

Arseniy V. Bogatyrev, The Volga Orthodox Institute named after St. Alexy, Metropolitan of Moscow (Togliatti, Russia). E-mail: sob1676@yandex.ru

UNKNOWN RUSSIAN TRANSLATION OF THE TEXT CREATED IN CONNECTION WITH THE ACCESSION OF JAN III SOBIESKI TO THE POLISH-LITHUANIAN THRONE IN 1674

Keywords: Rzeczpospolita; Polish-Russian relations in the 17th century; Vasyli Tyapkin; Jan Sobieski; Andrzej Trzebicki.

The change of the ruler in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the related events of 1674 attracted the close attention of the tsar and the highest officials of the Moscow state. This interest undoubtedly led to the creation of a Russian translation of a literary work written in praise of the new monarch, Jan III Sobieski, the former grand Crown hetman. It was carried out directly in the Russian Permanent Embassy in Warsaw, and not in the Embassy Department (Posolsky Prikaz), which already tells us about the importance that Russian diplomats placed on this work. The range of interests of those who prepared the translation, especially clearly shows the translation of the new king's title, in which "Inflanty" is replaced by "Kiev", that has long become a part of the policy of Muscovy. The authorship of the translation is a controversial issue, but most likely it was made by the resident translator Semyon Lavretsky, which has indirect evidence. Historiography tells us that we are dealing with a historical find, and, for several years, this is the first such discovered document of agitation property, dedicated to Jan III.

We do not know exactly the authors of the translated work, but the signatures under it were put by two quite significant figures of the Polish-Lithuanian Commonwealth – Bishop Andrzej Trzebicki of Kraków and Bishop Jan Gembicki of Płock, who at that time spoke on the side of His Royal Majesty. The creators of the praise tried in every possible way to give additional weight to the deeds of the new sovereign (already known for his exploits as a military commander), noting his merits: courage, determination, strength, luck, wealth, common "national" origin with the voters, etc. Using rhetorical techniques, various means of expression, the authors spoke of the hetman's victories as a miracle, drew for his glorification divine images, comparisons from ancient history and the glorious history of the ancestors of Jan III. To show the benefits of the coming to power of the commander-king, the essay recalls the recent defeats of the Poles in the battles with the Turks, which entailed disastrous consequences and the signing of the Treaty of Buczacz, which they hated, in 1672. The defeat of the Ottomans by Sobieski at Chocim (1673) gave hope for the return of lost dignity.

As the author of the article concludes, based on the sources, the reason for the appearance of this panegyric text is generally quite transparent – although the approval seemed unanimous, in fact, not everyone agreed with the transfer of the crown to Jan Sobieski, thus anti-royal unions were formed. Also, the document under study is another illustration attached to a not quite ordinary situation: the creation of the text of the oath of the king after his election, which was also insisted on by Trzebicki. It was necessary to explain the need for a more gracious attitude of the self-willed magnates and the szlachta people to the new applicant, to highlight his merits and point out the correctness of the choice made during the difficult Polish-Turkish war.

At the end of the article, the text of the Russian translation itself is attached. The need for its publication, in addition to the most obvious explanations, is tied to several points. The literary monument acts as an important source on the history of the Russian language, it is interesting for its rhetorical techniques, unusual and quite rare allegories, which will later be used in the praises dedicated to the Polish king.

REFERENCES

1. Potocki, W. (1996) *Muza Polska na tryjumphalny wjazd najsławniejszego Jana III*. Warsaw: IBL.
2. Widacka, H. (1987) *Jan III Sobieski w grafice XVII i XVIII w.* Warsaw: PWN.
3. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 79. List 1. File 163.
4. Alpatov, S.V. & Yansson, O. (2016) "Golos lovchego silnoi pribiraet razlichnykh okhochikh psov": neizvestnyy russkiy perevod pol'skogo politicheskogo pamfleta 1688 g. ["The voice of the trapper is strong and cleans up various hunting dogs": an unknown Russian translation of the Polish political pamphlet of 1688]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 2. pp. 103–110.
5. Hoszowski, K. (1861) *Żywot Andrzeja Zawiszy Trzebickiego*. Kraków: Czcionkami C. K. Wszechnicy Jagiellońskiej.
6. Przyboś, A. & Rożek, M. (1989) *Biskup krakowski Andrzej Trzebicki*. Warsaw: PWN.
7. Dąbrowski, J. (2000) *Senat Koronny*. Kraków: Historia Jagellonika.
8. Nikolaev, S.I. (2008) *Pol'sko-russkie literaturnye svyazi XVI–XVIII vv.: bibliograficheskie materialy* [Polish-Russian Literary Relations of the 16th–18th Centuries. Bibliographic Materials]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
9. Anon. (1860) *Volumina Legum*. Vol. 5. St. Petersburg: Nakł. i druk. Jozafata Ohryzki.
10. Kluczycki, F. (1881) *Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego*. Vol. 1. Kraków: Czas. pp. 751–1666.
11. Wójcik, Z. (1994) *Jan Sobieski, 1629–1696*. Warsaw: PIW.
12. Czarniecka, A. (2020) Informacja i propaganda podczas kampanii elekcyjnej 1673–1674 r. In: Bartoszewicz, A., Karpiński, A., Ptaszyński, M. & Zakrzewski, A. (eds) *Z historii kultury staropolskiej*. Warsaw: UW. pp. 135–153.
13. Ivonina, L.I. (2019) Panegiriki Janu Sobieski i ich osobennosti [Panegyrics to Jan Sobieski and Their Features]. *Listapadaŭskiya sustrechy–XIII*. Proc. of the International Conference. Minsk: BSU. pp. 133–136.
14. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 79. List 1. File 164.
15. Nikolaev, S.I. (1993) Lavretskiy Semen Fedorovich [Lavretsky Semyon Fedorovich]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Bookishness of Old Rus]. Vol. 3(2). St. Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 213–214.
16. Bogatyrev, A.V. (2017) Dva "Mikhaila arkhangela" protiv "Ioanna predtechi": neordinarnyy russkiy perevod XVII v. [Two "Archangel Michael" vs "John the Baptist": An Extraordinary Russian Translation of the 17th Century]. In: Men, A. (ed.) *Tainstvo slova i obraza* [The Mystery of Words and Images]. Moscow: MDA; Ofort. pp. 213–214.

17. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 79. List 1. File 160.
18. Bogatyrev, A.V. (2016) Khotinskaya bitva 1673 g. v doneseniyaх V.M. Tyapkina [The Battle of Khotyn in 1673 in the Reports of Vasyli Tyapkin]. In: Vartanyan, E.G. & Matveev, O.V. (eds) *Turtsiya i slavyanskiy mir* [Turkey and the Slavic World]. Krasnodar: Traditsiya. pp. 16–22.
19. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 79. List 1. File 161.
20. Widacka, H. (2007) *Rzeź polskich jeńców pod Batohem*. [Online]. Available from: https://www.wilanow-palac.pl/rzez_polskich_jencow_pod_batohem.html (Accessed 24th January 2021).
21. Bogatyrev, A.V. (2020) Russkiy tekst “pacta convent” Yana III Sobeskogo i ego pol'skiy pervoistochnik [The Russian Text of Jan III Sobieski's “Pacta Conventa” and Its Polish Primary Source]. In: Tufanova, O.A. & Andreeva, E.A. (eds) *Germenevtika drevnerusskoy literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. 19. Moscow: IMLI RAN. pp. 66–103.
22. Eleonskaya, A.S. & Robinson, A.N. (1990) *Russkaya oratorskaya proza v literaturnom protsesse XVII v.* [Russian Oratorical Prose in the Literary Process of the 17th Century]. Moscow: Nauka.
23. Milewska-Ważbińska, B. (2019) The Attitude Towards the Turks in Polish-Lithuanian Commonwealth Under the Reign of Jan III Sobieski. *Nordic Journal of Renaissance Studies*. 16. pp. 215–229.
24. Bogatyrev, A.V. (2020) The King Who Rises and Repents (two Hypostases of Jan III Sobieski in the Reports of a Russian Diplomat). *Kul'turnyy kod – Cultural Code*. 4. pp. 35–50. (In Russian). DOI: 10.36945/2658-3852-2020-4-35-50
25. Krivko, N.R. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Issue 2. Moscow: Nauka.
26. Krivko, N.R. (ed.) (1977) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Issue 4. Moscow: Nauka.
27. Krivko, N.R. (ed.) (1982) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Issue 9. Moscow: Nauka.
28. Krivko, N.R. (ed.) (1995) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Issue 21. Moscow: Nauka.
29. Bogatyrev, A.V. (2019) Troyanskaya voyna assiriytsev: redkoe oboznachenie turetsko-tatarskikh voysk v pokhvale Yanu III Sobeskomu [The Trojan War of the Assyrians: A Rare Designation of the Turkish-Tatar Troops in Praise of Jan III Sobieski]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya – Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea*. 11. pp. 554–561.
30. Shamin, S.M. (2020) *Inostrannye “pamflety” i “kur'ezy” v Rossii XVI–nachala XVIII stoletiya* [Foreign “Pamphlets” and “Curiosities” in Russia of the 16th – Early 18th Century]. Moscow: Ves' mir.

\